

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

ЛАРИОНОВА СПРОСИЛА: «РАЗВЕ ВО ВГИК ПРИНИМАЮТ ПО КРАСОТЕ?»

26 ноября в Большом зале Центрального Дома кинематографистов пройдет вечер, посвященный 80-летию народного артиста России, лауреата Государственной премии СССР, кинорежиссера Георгия Натансона — создателя фильмов, ставших классикой отечественного кинематографа.

Почти половину съемочного времени гримировалась. Пока не поправит, уже после гримерши, каждую ресничку, в павильон не войдет. Зато Жаров приезжал на съемки вовремя. В ожидании он сидел в саду, то скучал, то курил... Первое время злился: «Где это видано, чтобы актриса гримировалась полсмены?» А тут вдруг Таня приходит с книжкой и, пока ставят свет, читает в декорациях на лавке. Один раз читает, второй... Потом пришла с книжкой Наташа Тенякова. Тут уж я взорвался: «Думайте здесь только о роли!» Таня молча закрыла книжку и больше не читала. Наташа тоже.

— А правда, что «Старшую сестру» чуть ли не спасла свекровь Дорониной?

— Правда. Но о том, кто она такая, я тогда не знал. Мы сняли почти полкартины. Подходит Таня: «Вы видели снятый материал?» — «Конечно». — «И как вам?» — «По-моему, все нормально» (на самом деле мне все очень нравилось!). — «А я могу посмотреть? Все-таки главную роль играю». — «Разумеется, какой тут секрет?» После вечерней съемки идем в монтажную. Просмотр закончился. И вдруг Таня говорит: «Все ужасно! Я плохо! Наташа тоже играет плохо!» На другой день смотрю материал уже один, и мне вдруг тоже все кажется плохим. Я в полной панике. А потом успокоился: «Сниму как сниму. И пусть это будет мой последний фильм».

Проходит несколько дней. Таня просит показать наш материал одной женщине, которая знает ее творчество, любит ее как актрису и которой она очень доверяет. «Кто такая?» — «Вы ее не знаете».

Приезжает маленькая изящная женщина. С ней рыжий крепыш. Поздоровались. Замелькали кадры. Зажигается свет. Ну, думаю, сейчас начнется... А незнакомка смотрит на Таню какими-то то ли сумасшедшими, то ли восторженными глазами и говорит: «Это гениально!» Я решил, что она иронизирует. «Весьма сожалею, что показал вам полкартины...» — «Нет-нет, это прекрасно! Продолжайте в том же ключе, ничего не меняйте!» Это были мама Эдварда Радзинского и сам Радзинский, будущий муж Татьяны Васильевны.

— В свое время фамилии режиссера Натансона и сценарис-

та Самуила Алешина вычеркнули из числа представленных к Ленинской премии за картину «Все остается людям». Премии получил только исполнитель главной роли Николай Черкасов. Приходилось ли вам и раньше быть заложником «пятого пункта»?

— Да, после войны, когда на «Мосфильме» началась борьба с «космополитами». «В связи с сокращением штата» уволили более 70 человек, почти одних евреев. В списке был и я, и Михаил Швейцер, и многие другие режиссеры, помрежи, художники. Я тогда работал ассистентом у Александра Птушко на картине «Садко». Птушко ходил к директору студии, заступался за меня — бесполезно. Я пытался добиться справедливости через суд — проиграл, конечно. При первой же встрече судья, которая вела мое «дело», достоверно сообщила, что есть распоряжение с такими фамилиями, как у меня, на работе не восстанавливать. В конце концов после долгих мытарств на «Мосфильме» я вернулся, но история с увольнением оставила шрам в душе на всю жизнь. А «Садко» мне необычайно дорог. Фильм прекрасный, люди, с которыми он меня свел, — Птушко, Сергей Столяров, Аллочка Ларионова...

— Рискну предположить, что в последнем случае имела место и некая сердечная привязанность...

— Я Аллочку в первый раз увидел очаровательной, веселой восьмиклассницей на картине «Жизнь в цвету» («Мичурин»), которую в конце 40-х годов снимал Довженко. И влюбился в нее без памяти в ту же минуту. Хотя был женат, уже и дочка родилась... Звонил ей без конца. К тому же оказалось, что мы жили по соседству, около метро «Бауманская». Наши встречи проходили недалеко от Елоховского собора. Мы гуляли по улицам, сидели на лавочках, я признавался ей в любви, твердил о ее необыкновенной красоте. Конечно, много говорили о кино, в том числе о ВГИКе, который я окончил и куда советовал ей поступать. «Думаешь, меня примут?» — «Конечно, ты же такая красивая!» — «Разве во ВГИК принимают по красоте?»

Аллочка училась в мастерской Сергея Герасимова и Тамары Макаровой. И вот когда через несколько лет Птушко не мог в Москве найти актрису на роль Любавы (одну за другой он забирал около двухсот молодых претенденток!) и собирался отправить меня на поиски в Ленинград и Киев, я сказал, что у меня есть знакомая, правда, она еще студентка-второкурсница, но очень красивая! «Пожоже, она тебе нравится?» — спрашивает Птушко. — «Больше того, я в нее влюблен!» — «Ну приведи. Посмотри, какой у тебя вкус.» И не успела Аллочка войти в павильон, как Птушко воскликнул: «Любава у нас есть!» Это была первая большая роль Ларионовой в кино.

Под Москвой на берегу Пестовского водохранилища построили древний Новгород — с крепостью, слободами, деревянными тротуарами, пристанью с кораблями. На всю жизнь запомнились съемки зимнего эпизода. Облака заволокли небо, оператор прекратил съемку, совсем захолодало, а Любава в одном платье. «Жорочка, давай, пока перерыв, побегем по лесу, а то я вся продрогла». Я все пытался дотянуть Аллу. Неожиданно она поскользнулась, упала. Я подбежал, опустился на колени, помогая ей подняться. «Согрелась?» — «Нет». — «Хочешь согреться?» — «Как?» — «Разрешу, я тебя поцелую». — «Разрешаю...» У Аллы были изумительные губы... Мое сердце колотилось так, что готово было выпрыгнуть. Обоим стало жарко. И тут выглянуло солнце — и сразу же истощный крик Птушко: «Где Ларионова, где Натансон?» Мы, раскрасневшиеся, побежали на съемку, Аллочка буквально взлетела по лестнице на крепостную стену — «Мотор! Начали!»

На Международном фестивале в Венеции «Садко» получил главный приз — «Серебряного льва» («Золотого» в тот год никому не дали). А через год Алла сыграла у Исидора Анненского в «Анне на шее». Это был ее триумф.

Прошло много лет, и однажды она меня упрекнула: «Говорил, что любишь, а ни в одной своей картине не снял!» Увы, я уже ничего не могу изменить...

— Режиссер всегда прав — это аксиома для актера. И все-таки неужели вы никогда не попадали в просак?

— Что-то не припомню... Впрочем, был такой случай. Правда, к режиссуре это отношение не имеет... Расскажу. С фильмом «Посол Советского Союза», в котором практически впервые были показаны документальные кадры Парада Победы с Георгием Жуковым на Красной площади, я поехал на Международный фестиваль в Сорренто. Со мной — жена. В составе группы — Галина Александровна, супруга Георгия Константиновича Жукова. Однажды недалеко от отеля я увидел женские часы. Они лежали на дороге и сверкали бриллиантами. Не уверен, не дрожали ли у меня руки, когда я их поднял. Шутка ли, такая драгоценность! Оглянулся — может, кто-то спохватился, ищет? Никого. «Отдай администратору», — посоветовала жена. «А если их потерял кто-то не из нашего отеля? Давай пока оставим при себе, а администратора предупредим: если кто-то объявится, пусть направляет ко мне». Я объявил о находке дежурному гостиницы, а за ужином рассказал обо всем Галине Александровне. «Никому не говорите об этих часах!» — воскликнула она. — Их наверняка потерял какой-нибудь буржуй, а для него это пустяк!» За часами никто не пришел, мы их привезли в Москву, так они и лежали. Жена их не носила: «Нерожен час, потеряю! А это — наше богатство!»

А в середине 70-х, после фильма «Повторная свадьба», надо мной стугились тучи. Разборы в Госкино, ЦК... На пять лет лишили работы. Денег нет. Стала с женой сдавать вещи в ломбард. Дошла очередь и до часов. И тут оглушительная новость: никакие это, оказывается, не бриллианты, а натуральные стекляшки! В общем, по части драгоценностей и я, и моя жена, и Галина Александровна Жукова — полные лопухи!

— В том, что «Повторная свадьба» в отличие от той же «Старшей сестры», «Шумного дня», «Еще раз про любовь» у широкого зрителя не на слуху, виновата ваша фамилия?

— Нет, фильм был запрещен по чисто идеологическим соображениям. Сценарий написал Евгений Габрилович, автор «Коммуниста» и «Твоего современника». Как он сам говорил: «Это мой третий коммунист». Но на этот раз речь шла о карьере брестских времен, которого сыграл Ленечка Куравлев. Вторая отрицательная роль досталась Андрею Миронову. Он согласился на нее сразу. Объяснил так: «После «Бриллиантовой руки» меня завалили однотипными комедийными сценариями. Уже тошнит от них! А в вашей картине роль психологическая. Мне это интересно». С Андреем мы работали великолепно! Энергия в нем кипела, он предлагал тысячу вариантов, и часто мне приходилось отбирать лучшее из лучшего.

Первым фильм посмотрел директор студии Николай Трофимович Сизов. Смотрел очень внимательно, курил. «Серьезная картина. Но, должен тебе сказать, очень смелая. Тем не менее я ее беру.» И подписал акт о приемке.

— Так кто же зарубил?

— Дней через пять утренний звонок с «Мосфильма»: «Срочно вызывает Сизов». Обычно он сидел за столом, а тут ходит по кабинету из угла в угол. «Ночью мне звонил Филипп (так он всегда называл Ермаша, председателя Госкино) и сказал: «Как вы могли на «Мосфильме» сделать такую картину?! Будут большие поправки». Понятно, что Ермашу в свою очередь устроил хорошую нахлобучку кто-то со Старой площади. Через день Сизов отдал список замечаний. Предстояло вырезать больше 500 полезных метров из 2500. «Что же это получится?» — «Напишите на эти 500 метров сценарий. Придумайте что-нибудь». Звонил Габриловичу. Он говорит: «Жорж, не волнуйся, я позвоню Филиппу, мы все уладим. Ну, может быть, согласуясь на какие-нибудь поправки. А новый сценарий писать не буду». Но Ермаш даже не пожелал разговаривать с ним по телефону... Пришлось Габриловичу писать новую сцену. В итоге фильму дали третью, самую низкую категорию (правда, потом, когда он вышел на экран и сделал большие сборы, Сизов хлопотал о смене категории), а я остался без работы. Все мои предложения на студии отклоняли. «Я у тебя картину принял? Принял. Ничем помочь не могу, — сочувственно говорил Сизов. — Я человек в данном случае подчиненный. Иди в ЦК — проси прощения». — «За что?»

В ЦК я не ходил. Реабилитировать меня не спешили. И только в 1981-м позволили снять «Они были актерами», а через год — документальную ленту «Поэт Елена Образцова».

— В последнее время по ТВ довольно часто показывают фильм «Взбесившийся автобус». Это ваша последняя по времени художественная картина?

— Да, в ее основе события, происшедшие в декабре 1988 года во Владикавказе. Террористы тогда захватили автобус с детьми и учительницей. Ряд эпизодов надо было снимать в Израиле, а в то время дипломатических отношений с этой страной у СССР не было. В Госкино предложили снимать Израиль... в Сухуми. Такая нелепость! Я очень благодарен нынешнему министру иностранных дел России, а тогда ответственному работнику МИД СССР Игорю Иванову, который поседойствовал в том, чтобы съемки состоялись именно в Израиле. Мы были первыми советскими кинематографистами, приехавшими туда. Нас даже принял будущий премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху, который потом высоко оценил картину.

— Не возникло желание остаться там навсегда?

— Со стороны высоких чинов правительства Израиля поступали предложения перебраться, причем немедленно. Но я отказался. Я им сказал: «Я — русский еврей, моя родина — Россия».

Встречалась Елена КОНСТАНТИНОВА

Георгий НАТАНСОН: *Встр. клуб. — 2001. — 23 нояб. — с. 11*
В ТРУДНУЮ МИНУТУ БУРЖУЙСКИЕ БРИЛЛИАНТЫ МНЕ НЕ ПОМОГЛИ

Нынешний год для Георгия Натансона особый: 80 лет со дня рождения и 60 лет работы в кино. А еще — после долгого перерыва он снова на съемочной площадке. Главный герой его нового художественно-публицистического фильма «Я вернусь...» — Михаил Булгаков.

— Георгий Григорьевич, о чем новый фильм?

— О малоизвестных эпизодах из биографии Булгакова, связанных с Крымом. Впервые Михаил Афанасьевич увидел Крым в 1925 году благодаря Максимилиану Волошину. Тот с восторгом встретил «Белую гвардию», даже сравнил дебют автора с литературными дебютами Достоевского и Толстого, и пригласил Булгакова на лето в Коктебель.

Буду счастлив, если мне удастся расшифровать, как отозвалась аура Крыма в творчестве Михаила Афанасьевича. В июньские дни 1925 года в Коктебеле Булгаков завершил сценическую редакцию «Белой гвардии» для Московского Художественного театра — премьера «Дней Турбиных» состоялась 5 октября 1926 года. Может быть, именно здесь, под грядой Карадага, он впервые отчетливо ощутил, что ему одинаково подвластны стремительное течение романа и магия театра.

В Таврии Булгаков познакомился с книгой «Крым в 1920 году». Ее автор — Яков Слащов, ставший прообразом генерала Хлудова. Личность удивительной, трагической судьбы. Генерал царской армии, награжденный в Первую мировую войну всеми орденами, прозванный большевиками «генералом-вешателем», в 1919-м он встал во главе обороны Крыма, практически руководил Белой армией. Вся эта эпопея краха Белого движения отображена в грандиозном «Беге» Александра Алова и Владимира Наумова (кадры из него будут включены в наш фильм). В Константинополе Слащов был разжалован Врангелем в рядовые, в 1921-м вернулся в Россию (его встречал сам Дзержинский), а спустя два года убит.

В фильме пойдет речь и о тех людях, с которыми в Крыму Булгаков свела судьба, — Мария Павловна Чеховой, Максимилиане Волошине, Михаиле Чехове, Александре Грине, композиторе Спендиарове. В роли автора — Василий Лановой. Это единственная актерская работа в фильме, все остальное — документальный материал.

— При том, что вы известный открыватель звездных

имен и мастер актерских ансамблей. Вспомнить ту же «Старшую сестру»...

— Которую на декаде нашего кино в Италии назвали лучшим неореалистическим советским фильмом, а Татьяну Доронино — великолепной русской красавицей и даже русской секс-бомбой. В СССР за год эта картина собрала 22,5 миллиона зрителей. Но во время съемок нервы потрели... Началось с того, что никого из актеров, которых я пригласил на главные роли, худсовет «Мосфильма» не утвердил. «Доронино говорит странно, с придыханием, растягивает текст. Ей кино противостоит текст. Ей кино противостоит каша! Где техника речи?» Забраковали и Инну Чурикову, и Виалетта Соломина, и даже Михаила Жарова. «Вы с ним не справитесь, он не будет слушаться начинающего режиссера». Меня тогда очень поддержал Сергей Герасимов: «Никого не слушай. Пробы хорошие».

— Свое состояние на съемках «Валентина и Валентин», где играли Татьяна Доронино и Нина Русланова, вы описали весьма образно: «Я ходил на съемочную площадку, как в клетку к тигрицам». Характер Дорониной, наверное, проявился еще на «Старшей сестре»?

— С Татьяной Васильевной мне всегда работалось очень хорошо. Это одна из самых выдающихся актрис нашего времени, и очень добрый, светлый человек. Впервые я ее увидел в БДТ, предложил сниматься, она согласилась. Хотя Александр Володин, автор сценария «Старшей сестры», был категорически против, он хотел, чтобы эту роль сыграла Лариса Малеванная. Даже сказал, что, если будет сниматься Доронино, то ни разу не приедет на съемки. И слово сдержал.

— Потом изменил свое мнение?

— Он сказал так: «Мне за эту картину не стыдно». А Танечка ко мне относилась тепло, хотя там были свои проблемы. На съемки она приезжала из Ленинграда — Товстоногов разрешил сниматься, но без замены в спектаклях. Конечно, усталова, всегда опаздывала.

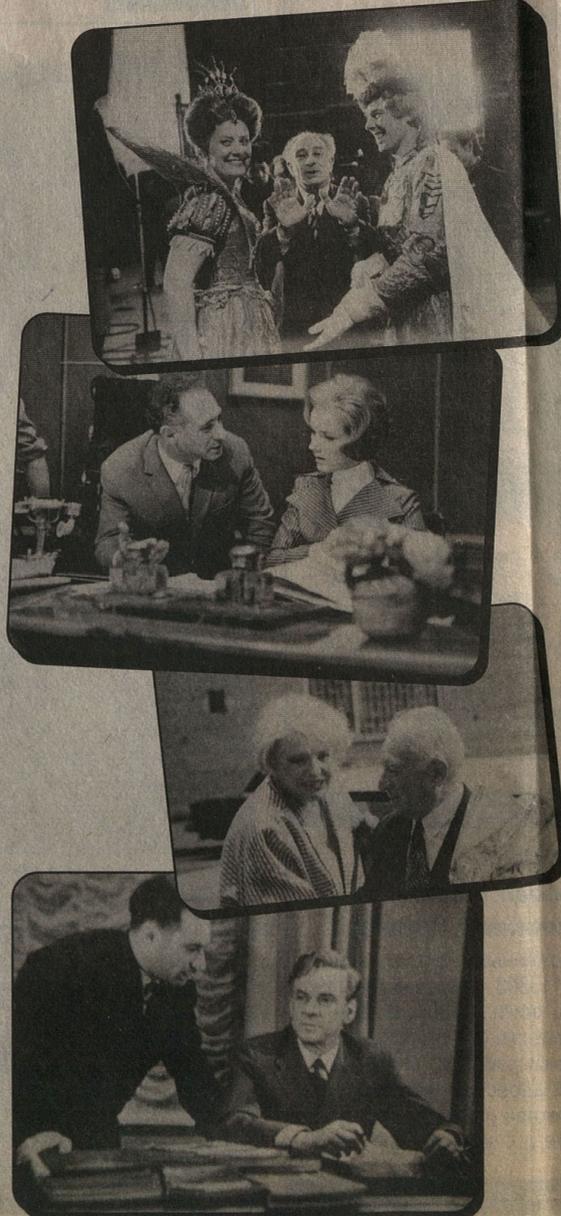

ФОТО ИГОРИ ИВАЛДИКОВА